

Развитие богословских традиций мусульман Поволжья и Приуралья в XVIII – нач. XX в.

Р.А. Фатхуллин^{1а}

¹Болгарская исламская академия, г. Болгар, Российская Федерация

^аORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3141-3233>, e-mail: ramismuslim@mail.ru

Резюме: Актуальность исследования связана с изучением развития богословских традиций мусульман Поволжья и Приуралья в период XVIII – нач. XX в., который характеризовался смягчением религиозно-национальной политики. Это позволило сместить фокус теологических исследований на решение внутриобщинных вопросов, на преодоление отсталости мусульманского населения от иноверческого окружения и возрождение национально-культурных традиций. Основными инструментами выступили иджтихад (право на самостоятельное обращение к первоисточникам ислама) и его дихотомия – таклид, а также борьба с порицаемым религиозным нововведением – ересью (бид'а). При этом иджтихад и таклид необходимо рассматривать как два достаточно гибких инструмента для решения современных вопросов, поскольку каждый из них апеллирует к исламским первоисточникам (Корану и Сунне), но в случае таклида берется понимание религиозного авторитета.

Ключевые слова: ислам; иджтихад; таклид; шариат; мазхаб

Для цитирования: Фатхуллин Р.А. Развитие богословских традиций мусульман Поволжья и Приуралья в XVIII – нач. XX в. *Minbar. Islamic Studies*. 2023;16(4):859–870. DOI: 10.31162/2618-9569-2023-16-4-859-870

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Development of the theological traditions of Muslims in the Volga region and the Urals in the 18th – early 20th centuries

R.A. Fatkhullin^{1a}

¹*Bolgar Islamic Academy, Bolgar, the Russian Federation*

^aORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3141-3233>, e-mail: ramismuslim@mail.ru

Abstract: The relevance of the study is connected with the study of the development of the theological traditions of Muslims in the Volga and Urals regions in the 18th – early 20th centuries, which was characterized by softening of religious and national policies. This made it possible to shift the focus of theological research on solving intra-community issues, overcoming the backwardness of the Muslim population from the heterodox environment and reviving national and cultural traditions. The main tools were *ijtihad* (the right to independently turn to the primary sources of Islam) and its dichotomy known as *taqlid* as well as the fight against a condemned religious innovation known as *heresy* (*bid'a*). *Ijtihad* and *taqlid* must be considered as two fairly flexible tools for solving modern issues, since each of them appeals to Islamic primary sources (to the Quran and Sunnah), while *taqlid* supposes the understanding of religious authority.

Keywords: Islam; *ijtihad*; *taqlid*; Sharia; *madhhab*

For citation: Fatkhullin R.A. Development of the theological traditions of Muslims in the Volga region and the Urals in the 18th – early 20th centuries. *Minbar. Islamic Studies*. 2023;16(4):859–870. (In Russ.) DOI: 10.31162/2618-9569-2023-16-4-859-870

Введение

Падение Казанского ханства в 1552 году, христианизация неправославного населения, усиление национального гнета, а также активная антимульманская идеологическая кампания русского государства привели к переориентации суфийской направленности богословских традиций мусульман Поволжья и Приуралья на решение актуального вопроса сохранения мусульманской идентичности и государственности.

Не сумев преодолеть русское господство, мусульманское общество переходит в режим изоляционизма для сохранения собственной религиозно-национальной идентичности. И лишь при Екатерине Великой, которая проводила искусную межконфессиональную политику путем создания Оренбургского магометанского духовного собрания (ОМДС) в 1788 году, а также благодаря комплексу мер, реализуемых для успешной интеграции татар в

российскую экономику, систему управления и армию, богословская традиция мусульман Поволжья и Приуралья с вопросов получения территориальных свобод смещается на аспекты национального возрождения. Сферой мусульманского дискурса в первую очередь выступили образование и мусульманская культурная идентичность, цель которых – сохранить исламскую общину в быстро изменяющемся мире [1, с. 629–630].

В качестве основных инструментов сохранения и развития мусульманской уммы были выбраны концепция «открытие дверей иджтихада» и борьба с порицаемыми религиозными нововведениями (бид'а).

Концепция «открытие дверей иджтихада»

С середины XII века мусульманские ученые для защиты исламской религии от чужеродных идеологий и влияний провозгласили обязательность концепции «таклида» (безоговорочного следования правовым решениям мусульманских ученых предыдущих веков) [2, с. 262].

Обратной концепцией «таклида» является концепция «иджтихада» (самостоятельное обращение к первоисточникам ислама (Корану и Сунне) для вынесения решения по правовым вопросам, на которые нет однозначного ответа в них) [3, с. 13–14].

Вопрос иджтихада также стал камнем преткновения между представителями джадидизма (обновления) и кадимизма (традиционализма). Джадидизм апеллировал к первоначальным установкам ислама во внутренней и внешних формах, очищению их от многовековых наслоений и их практическому применению в современных условиях, используя иджтихад как инструмент борьбы с мистикой и схоластикой. При этом кадимизм рассматривал таклид как фактор стабильности исламского общества и его выживания, с полным сохранением существующего порядка в исламской среде, в том числе и непоколебимого авторитета суфиев среди местных мусульман.

Рассмотрим мнения татарских богословов в вопросе иджтихада.

Махмуд аль-Булгари (1297–1360) в «Нахдж ал-Фарадис» признает равенство четырех правовых школ (мазхабов), при этом первенство отдает Абу-Ханифе, который, по его мнению, получал знания у сподвижников Му-

хаммада ﷺ, что еще больше возвышает Абу-Ханифу над его оппонентами [4, с. 76].

Габдрахим ('Абд-ар-Рахим) Утыз-Имяни (1752–1836) придерживается позиции о том, что иджтихад – поле деятельности для избранных ученых, а для остальных достаточным является следование авторитетам прошлого.

Одним из первых Г. Утыз-Имяни поднимает вопрос о необходимости менять устои традиционной жизни татар. Традиционализм в татарском обществе, сохранение языка, культуры, самобытности народа основаны на исламе, поэтому религию нужно приспособить к реалиям современной ему действительности и для решения проблем необходимо использовать религиозно-мировоззренческий инструмент – иджтихад.

Габдуннасыр ('Абд-ан-Насыр) Курсави (1776–1812) был сторонником отказа от таклида. Он подробно описал это в своей книге «ал-Иршад ли-ль-'ибад» и выделил степени иджтихада (абсолютный и ограниченный рамками мазхаба), что не только давало право вынесения решения по целому спектру вопросов исключительно компетентным ученым, которые должны соответствовать целому ряду условий, но и стало обязанностью каждого способного на это мусульманина. Таклид допускался только в крайнем случае, когда человек не способен сам вынести осознанное решение [5, с. 140].

Он, как и Г. Утыз-Имяни, придерживается разделения общества на ученых и простых людей. В вопросах иджтихада он не противоречил мнениям большинства, не призывал к отказу от мазхабов, не пытался вывести новый [5, с. 131].

В персоне Абу-Ханифы Г. Курсави видит хранителя традиций, свойственных ранней общине Мухаммада ﷺ. Сквозь рассуждения, которыми религиозный деятель щедро делится в своих трудах, проступают черты апологета ханафизма.

Шихабутдин (Шихаб-ад-дин) Марджани (1818–1889) считал, что абсолютный таклид сужает рамки свободы выбора мусульманина, что в свою очередь ограничивает условия его жизни, при этом в основных принципах шариата и исламского права призывает безоговорочно следовать ханафитскому мазхабу [6, с. 504].

В «Назурат аль-хакк» Марджани поддерживает и расширяет идеи, выдвинутые Г. Курсави, приводя свою доказательную базу. При этом Марджани в вопросах фикха придерживался ханафитского мазхаба, считая его методологию наиболее логичной и правоприменимой в современных условиях, допуская возможность использования правовых положений и других мазхабов, и он считал ошибкой межмазхабическую вражду за право быть истинно верными носителями шариата [7, с. 39]. Также Ш. Марджани стремился в своих трудах защищать ханафитское кредо (в сфере вероубеждения), приводя доводы в пользу его превосходства, основанного на полном соответствии Корану и Сунне [8, с. 103].

Из всех муджтахидов Марджани выделяет Абу-Ханифу (ум. 767) – эпони́ма ханафитской правовой школы, который в первую очередь искал соответствующие мнения сподвижников Мухаммада ﷺ, а если не находил, то обращался к иджтихаду, поскольку являлся последователем сподвижников [9, с. 22].

Р. Фахретдин (1859–1936) в своей книге «Дини вә ижтимагый мәсьәләләр» в разделе «Ижтиһад вә мужтәһидләр» разъясняет понятие «иджтиһад», а также уточняет, кому надлежит заниматься им (перечисляет условия). Практически весь раздел посвящен обоснованию применения иджтихада, его необходимости во все времена. В частности, Р. Фахретдин говорит, что смысл высказывания «иджтиһад завершился» – это завершение свободомыслия, свободы слова и всех дел [10, с. 87].

Он считал появление мазхабов обновленческой сутью ислама, не отрицая их право на существование и не идеализируя их, он отдавал предпочтение ханафитскому мазхабу [11, с. 118].

М. Бигиев (1875–1949) предложил различать понятия «шариат» и «мазхаб»: первое является Божественным откровением, а второе – лишь его толкованием, и поэтому критика или отрицание какого-либо из мазхабов не есть критика или отрицание шариата [12, с. 298]. Тем самым он пытается бороться с проявлением таклида, который не позволяет мусульманам решать актуальные вопросы современности, и поэтому отдает предпочтение непосредственному обращению к Корану и Сунне [12, с. 103–104].

М. Бигиев видел в следовании «закостенелому» фикху проблему для общества и был убежден в том, что фикх, основывающийся на таклиде, крайне несовершенен [12, с. 104–105].

З. Камали (1873–1942) также критикует таклид и тех, кто его придерживается, поскольку они пытаются решить современные вопросы на основании ответов, которым уже более 500 лет [13, с. 60].

При этом он считал, что в угоду общественной жизни допустимо менять и сами законы шариата, которые традиционно считаются неизменными, в частности молитву и пост, что встретило жесткую критику со стороны духовенства [14, с. 15], хотя признает охранительную функцию традиционализма для сохранения национально-религиозной идентичности татар в периоды активной христианизации [13, с. 61].

Г. Буби (1871–1922) в своих произведениях ратует за «открытие дверей иджтихада» как инструмента освоения европейских достижений, при этом в решении вопросов он использует методологию, которая заключается в обращении к первоисточникам ислама и разуму, и связывает причину стагнации развития исламской мысли с практикой распространения таклида [15, с. 128–129].

Г. Буби при необходимости позволяет таклид для неграмотных мусульман, но при этом жестко выступает против другого вида таклида – копирования европейских нравов, заимствования их пороков, что для него является отступлением от положений исламской веры [15, с. 134–135].

М. Кемпер в своем обширном исследовании, посвященном истории татарской богословской мысли, утверждает, что иджтихад и таклид надо рассматривать как два достаточно гибких инструмента для решения актуальных вопросов, поскольку каждый из них апеллирует к исламским первоисточникам (Корану и Сунне), но в случае таклида главное – это понимание религиозного авторитета [1, с. 417–419].

Борьба с порицаемым религиозным нововведением – ересью (бид'а)

Еще один важный вопрос рассматриваемого периода, на который обратили внимание татарские богословы, – религиозные порицаемые нововведе-

ния, цель борьбы с ними – приближение к образу жизни и мышления первых поколений мусульман (ас-саляф).

Г. Утыз-Имяни в своем труде «Джавахир аль-байан» не приемлет ни одобряемые (не противоречащие Корану и Сунне), ни порицаемые нововведения, тем самым занимая чрезвычайно жесткую позицию в деле сохранения религии, для него мерилom истинности остаются Коран и Сунна, а все новое ведет к заблуждению. Одним из подобных нововведений он считает сбор платы за чтение Корана, организацию застолий по религиозным мотивам, особенно с выделением определенных дат для проведения поминок [1, с. 253].

Г. Курсави также порицает традицию брать плату за чтение Корана, молитвы и т.д., что, по его мнению, является отклонением от Сунны, при этом считает хорошими такие нововведения, как написание книг, строительство медресе и т.п. Курсави всегда очень четко разделял культовую сферу *'ибада* и ту, что затрагивает межличностные отношения – *му'амалят*. Он указывал на то, что любые новшества, опирающиеся на приведенные догмы, но не подтверждаемые законными источниками, нужно считать *бид'а* – запретными, ложными. Тогда как в области *му'амалят* такие перемены допускаются при отсутствии прямых противоречий законам шариата [5, с. 161–164].

Ш. Марджани воспринял идеи Г. Курсави о необходимости возвращения к «пророческому» исламу не только путем религиозного преобразования, но и придерживаясь метода историзма при объективном изучении болгаро-татарской истории [1, с. 579].

Марджани пишет, что допускается описывать Создателя только так, как пришло в Коране и Сунне, а использование таких имен, как Тангре или Ходай¹, запрещено, исключение лишь для тех, кто не знает арабского языка и использует эти наименования только в смысловом значении. Считается недопустимым использование таких двухсоставных имен, как Мухаммад-Салих и т.п., что является, по его мнению, *бид'а* [16, с. 155–157].

Р. Фахретдин порицал не сами традиции, а их проявления, которые, по его мнению, портят общество. Например, проведение поминок по определенным дням, на которые некоторые тратят все сбережения и кормят всех подряд, а следовало бы оказать адресную помощь нуждающимся, что более

¹ Оба термина, имеющие соответственно тюркское и персидское происхождение, используются в татарском языке в значении «Бог», т.е. как синонимы термина «Аллах».

предпочтительно [10, с. 171]. Видимо, его больше интересовал вопрос общественного блага.

Он относит понятие *бид'а* исключительно к религиозным вопросам, которые должны исполняться только так, как пришло в Коране и Сунне, и порицал тех ученых, которые выступали за наличие «хороших» нововведений в исламе, считая это уловкой для легитимизации различных новшеств [10, с. 130–131].

В то же время представитель кадимизма Ишмухаммад Динмухамметов (Ишми-ишан) (1849–1919) рассматривал любые нововведения как недопустимые, ратуя за сохранение традиционного уклада жизни татар в первоизданном виде, и неважно, это касается обрядовой стороны их жизни или повседневно-бытовой, например европейского стиля одежды [17, с. 65].

Заключение

Развитие богословских традиций мусульман Поволжья и Приуралья в рассматриваемый период, характеризуемый быстрым развитием науки и культуры, происходило при помощи двух основных инструментов – иджитхада, который, как правило, осуществлялся в методологических рамках ханафитского мазхаба, и борьбы с ересью, выступавшей «расколдованием мира» (по Веберу), что должно было способствовать развитию татарской нации в современных условиях.

Несмотря на деятельность татарских реформаторов по актуализации вопроса иджитхада, широкими массами данные идеи не были восприняты по причине укоренившейся веками практики таклида и авторитета духовенства, которое в большинстве своем в сохранении традиционного уклада жизни видело сохранение мусульманской уммы.

По мнению татарских ученых, одним из решений отсталости и слабости мусульманской уммы является очищение ислама от многовековых религиозных порицаемых нововведений – ереси (*бид'а*), что соответствует исламу периода Мухаммада ﷺ и «праведных халифов».

Литература

1. Кемпер М. *Суфии и Ученые в Татарстане и Башкортостане. Исламский дискурс под русским господством*. Пер. с немецкого. Казань: Российский исламский университет; 2008. 579 с.
2. Али-заде А.А. Таклид. *Исламский энциклопедический словарь*. М.: Ансар; 2007. С. 262.
3. Адыгамов Р.К. Иджтихад в I в. по хиджре и возникновение мадрасат ар-ра'й и мадрасат ал-хадис. *Исламоведение*. 2015;1:13–18.
4. Нуриева Ф.Ш. «Нахдж ал-Фарадис» Махмуда ал-Булгари. Казань: Фэн; 1999. 208 с.
5. Идиятуллина Г. *Курсави Абу-н-Наср. Наставление людей на путь истины (аль-Иршад ли-ль-'ибад)*. Казань: Татар. кн. изд-во; 2005. 304 с.
6. Адыгамов Р. К. Проблемы исламского права в наследии Шигабутдина Марджани. *Minbar. Islamic Studies*. 2019;12(2):499–510. DOI: 10.31162/2618-9569-2019-12-2-499-510.
7. Якупов В.М. Влияние религиозного наследия Ш. Марджани на современное мусульманское сообщество. *Шигабутдин Марджани: наследие и современность. Сборник статей. АН РТ Институт истории им. Ш. Марджани*. Казань: Алма–Лит; 2008. С. 37–41.
8. Шагавиев Д. Приверженность мусульман Волго-Уральского региона ханафитскому толку ислама: история и современность. *Minbar. Islamic Studies*. 2008;1(2):101-109. DOI:10.31162/2618-9569-2008-1-2-101-109
9. Юзеев А. *Марджани о татарской элите (1789–1889)*. Казань: Litres; 2017. 117 с.
10. Фәхреддин. Р. *Дини вә ижтимагый мәсьәләләр*. Оренбург: Изд-во Вакъ; 1914. 208 б.
11. Мухаметшин Р.М. *Ислам в общественной и политической жизни татар и Татарстана в XX веке*. Казань: Татар. кн. изд-во; 2005. 246 с.
12. Бигиев М.Дж. *Избранные труды*. В двух томах. Т. I. Казань: Татарское кн. изд-во; 2005. 336 с.
13. Камали З.Д. *Философия ислама*. В 2 т. Т. 1.: Часть 1. *Философия вероубеждения*. Казань: Татарское книжное изд-во; 2010. 319 с.

14. Суяргулов Р.Р. *Философия Ислама в трудах Зии Камали: хрестоматия*. Уфа: изд-во БГПУ; 2019. 124 с.

15. Закиров А.А. *Религиозно-философские взгляды Габдуллы Буби (1871–1922): диссертация... канд. филос. наук*. Казань, 2018. 183 с.

16. Марджани Ш. *Извлечение вестей о состоянии Казани и Булгара (Мустафад ал-ахбар фи ахвали Казан ва Булгар)*. Часть 1. Казань: Издательство «ФЭН» АН РТ; 2005. 255 с.

17. Амирханов Р.У. *Ислам в Среднем Поволжье: история и современность. Очерки*. Казань: Мастер Лайн; 2001. 175 с.

References

1. Kemper M. *Sufii i Uchenye v Tatarstane i Bashkortostane. Islamskiy diskurs pod russkim gosподstvom* [Sufis and Scientists in Tatarstan and Bashkortostan. Islamic discourse under Russian domination]. Tr. from German. Kazan: Russian Islamic University; 2008. 579 p. (In Russian)

2. Ali-zade A.A. Taqlid. *Islamskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Islamic Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Ansar Press; 2007. pp. 262. (In Russian)

3. Adygamov R.K. Idzhtikhad v I v. po khidzhre i vozniknovenie madrasat ar-ra'y i madrasat al-khadis [Ijtihad in the 1st century according to the Hijri and the emergence of madrasat ar-ra'i and madrasat al-hadith]. *Islamovedenie* [Islamic Studies]. 2015;1:13–18. (In Russian)

4. Nurieva F.Sh. “*Nakhdzh al-Faradis*” *Makhmuda al-Bulgari* [“Nahj al-Faradis” by Mahmud al-Bulgari]. Kazan: Fen Press; 1999. 208 p. (In Russian)

5. Idiyatullina G. *Kurcavi Abu-n-Nacr. Nactavlenie lyudey na put' ictiny (al-Irshad li-l-'ibad)* [Qursawi Abu al-Nasr. Guiding people on the path of truth (al-Irshad li-l-'ibad)]. Kazan: Tatar Book Publishing House; 2005. 304 p. (In Russian)

6. Adygamov R.K. Problemy islamskogo prava v nasledii Shigabutdina Mardzhani [Problems of Islamic law in the legacy of Shihabuddin Marjani]. *Minbar. Islamic Studies*. 2019;12(2):499–510. DOI: 10.31162/2618-9569-2019-12-2-499-510 (In Russian)

7. Yakupov V.M. Vliyanie religioznogo naslediya Sh. Mardzhani na sovremennoe musul'manskoe soobshchestvo [The influence of the religious heritage

of Sh. Marjani on the modern Muslim community]. *Shigabutdin Mardzhani: nasledie i sovremennost'*. *Sbornik statey. AN RT Institut istorii im. Sh. Mardzhani* [Shihabuddin Marjani: heritage and modernity. Digest of articles. Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Republic Academy of Sciences]. Kazan: Alma-Lit Press; 2008, pp. 37–41. (In Russian)

8. Shagaviev D. Priverzhennost' musul'man Volgo-Ural'skogo regiona khanafitskomu tolku islama: istoriya i sovremennost' [Commitment of Muslims of the Volga-Ural region to the Hanafi interpretation of Islam: history and modernity]. *Minbar. Islamic Studies*. 2008;1(2):101–109. DOI:10.31162/2618-9569-2008-1-2-101-109 (In Russian)

9. Yuzeev A. *Mardzhani o tatarskoy elite (1789–1889)* [Mardzhani about the Tatar elite (1789–1889)]. Kazan: Litres Press; 2017. 117 p. (In Russian)

10. Fakhreddin. R. *Dini wa ijtima'i mas'alalar* [Religious and social issues]. Orenburg: Waqt Press; 1914. 208 p. (In Tatar)

11. Mukhametshin R.M. *Islam v obshchestvennoy i politicheskoy zhizni tatar i Tatarstana v XX veke* [Islam in the social and political life of the Tatars and of Tatarstan in the 20th century]. Kazan: Tatar Book Publishing House; 2005. 246 p. (In Russian)

12. Bigiev M.J. *Izbrannyye Trudy* [Selected works]. In 2 volumes. Volume I. Kazan: Tatar Book Publishing House; 2005. 336 p. (In Russian)

13. Kamali Z.D. *Filosofiya islama. v 2 t.* [Philosophy of Islam]. In 2 volumes. Vol. 1.: Part 1. *Filosofiya veroubezhdeniya* [Philosophy of belief]. Kazan: Tatar Book Publishing House; 2010. 319 p. (In Russian)

14. Suyargulov R.R. *Filosofiya Islama v trudakh Zii Kamali: khrestomatiya* [Philosophy of Islam in the works of Zia Kamali: a reader]. Ufa: Bashkir State Pedagogical University Press; 2019. 124 p. (In Russian)

15. Zakirov A.A. *Religiozno-filosofskie vzglyady Gabdully Bubi (1871–1922): diss.... kand. filos. nauk* [Religious and philosophical views of Gabdulla Bubi (1871–1922): dissertation... candidate of philosophical sciences]. Kazan, 2018. 183 p. (In Russian)

16. Marjani Sh. *Iz vlechenie vestey o sostoyanii Kazani i Bulgara (Mustafad al-akhbar fi akhvali Kazan va Bulgar)* [Extracting news about the state of Kazan and Bulgar (Mustafad al-akhbar fi ahwali Qazan wa Bulghar)]. Part 1. Kazan:

R.A. Fatkhullin

Development of the theological traditions of Muslims in the Volga region ...

Minbar. Islamic Studies. 2023;16(4):859–870

Publishing House “Fen” of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan; 2005. 255 p. (In Russian)

17. Amirkhanov R.U. *Islam v Srednem Povolzh'e: istoriya i sovremennost'*. *Ocherki* [Islam in the Middle Volga region: history and modernity. Essays.]. Kazan: Master Line Press; 2001. 175 p. (In Russian)

Информация об авторе

Фатхуллин Рамис Альбертович, аспирант, кафедра религиоведения Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций Казанский (Приволжский) Федеральный Университет, г. Казань, Российская Федерация; заместитель начальника Центра межрелигиозного диалога Болгарская исламская академия, г. Болгар, Российская Федерация.

About the author

Ramis A. Fatkhullin, Postgraduate, Department of Religious Studies Institute of Social and Philosophical Sciences and Mass Communications Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russian Federation; Deputy Head of the Interreligious Dialogue Center, Bolgar Islamic Academy, Bolgar, Russian Federation.

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 13 ноября 2023
Одобрена рецензентами: 04 декабря 2023
Принята к публикации: 10 декабря 2023

Article info

Received: November 13, 2023
Reviewed: December 04, 2023
Accepted: December 10, 2023